



Георгий Матвеевич Дерлугьян – профессор социологии Нью-Йоркского университета в Абу-Даби

Кризис прежнего, ВОЗМОЖНОСТИ НОВОГО

Главное политическое и идейное условие наших дней – конечно, кризис гегемонии США. Сигнальный предкризис ударил еще в 1960–1970-е годы. Его последствия так и не были преодолены, а лишь отложены на два десятилетия благодаря неожиданному распаду СССР и столь же неожиданному успеху глобализации на основе американской неолиберальной идеологии и американских же финансовых институтов. Историко-логическая последовательность американского кризиса в чем-то поразительно похожа на последовательность кризисных событий, приведших к советской перестройке. Обе сверхдержавы достигли пика геополитического влияния, внутреннего благосостояния и идейного престижа после 1945 года. Конечно, Америка и Россия – уникальные страны-гиганты континентального масштаба, непосредственно выросшие из расширения переде-

лов европейской цивилизации и со временем превзошедшие Европу. Такое развитие предсказывал еще в 1830-х проницательный Алексис де Токвиль, однако геополитические прогнозы исполняются крайне медленно. Как говорил Йозеф Шумпетер, день в мировой экономике длится столетие. Но в августе 1914 года имперская Европа совершила, по сути, групповое самоубийство. И лишь через 30 с лишним лет после этого Европа стабилизировалась в новом мирном – хотя и реликтовом – состоянии под двойственным покровительством – СССР и США.

Руководство обеих сверхдержав, разумеется, провозгласило послевоенные успехи исполнением собственных идеологических предначертаний, будь то развитый социализм или регулируемый капитализм. Технологический рост середины XX века мощно подкреплял их уверенность в своих силах. (Какой научно-

фантастический оптимизм и страхи порождали тогда космос, органический синтез и особенно атомная энергия!) Сверхдержавам оставалось увековечить свою модель и в азартном соперничестве распространить ее на остальной мир в виде программ «либеральной модернизации» либо «социалистической ориентации».

Американцы напоролась на неподатливость Кубы и Вьетнама. СССР получил аналогичные проблемы в Венгрии, затем Чехословакии и Польше и, наконец, в Афганистане. Первой вполне ожидаемой реакцией было применение на первый взгляд подавляющей военной силы в сочетании с экономической «помощью» союзникам, оказавшимся на поверку бездонной бочкой. Это привело к нарастающему бюджетному кризису, который, в свой черед, обострил внутриэлитное соперничество между просвещенно-реформистскими и ортодоксально-консервативными фракциями политического истеблишмента обеих стран. Внутриэлитные разногласия выплескивались наружу, порождая растущие надежды среди интеллигенции и новых средних слоев образованных специалистов. С советской стороны известно множество примеров того, как деятели науки и культуры — в полном спектре, от махровых реакционеров до либеральных диссидентов, — писали записки на Старую площадь. Но ведь и в Америке 1968 года молодые профессора элитных университетов — Бжезинский, Киссинджер, Хантингтон и с другой стороны Валлерстайн — стали поставщиками идей для кандидатов в президенты от Никсона до Боба Кеннеди.

Следом за периодом гласности, то есть выплескивания в открытую печать идейной борьбы элитных фракций, на-



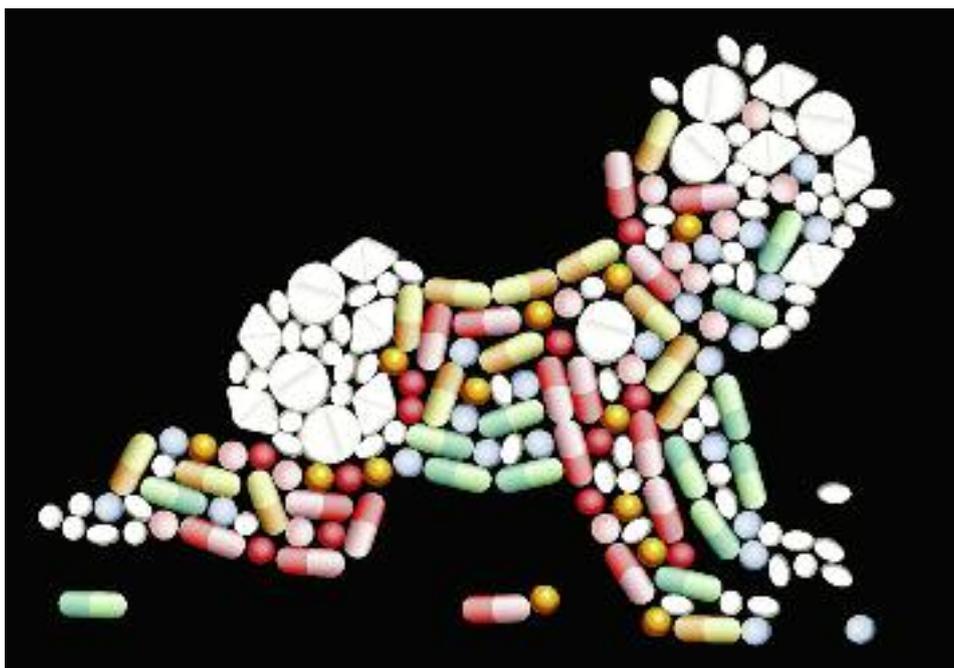
Руководство США в 1979 году пошло на отчаянный шаг, срывая ограничители, которые регулировали экономику со времен «нового курса» Рузвельта. Сломал рузвельтовские механизмы регуляции, Уолл-стрит добился спекулятивной конъюнктуры, невиданной со времен *Belle Époque* 1900-х и «джазового бума» 1920-х. Но также возродился и призрак спекулятивного обвала, подобного «черному вторнику» 1929 года.

ступает этап радикализации в основной массе средних и даже нижних слоев, ловящих политический момент. Радикализация происходит на основе двух программ: требования демократического доступа на политическую арену (белые средние слои в США и русскоязычные специалисты в СССР) либо признания групповых идентичностей (в США это движения негров, индейцев, феминисток, в СССР — национализмы во всех республиках). Оказавшись в цейтноте, политическое руководство спешно обещает удовлетворить все пожелания, включая большую долю экономических гарантий, что уже до невозможности перегружает бюджет и провоцирует экономический кризис.

В 1970-е руководство СССР неожиданно помог взлет цен на нефть. Однако это лишь отложило на полтора десятилетия наступление оконча-

тельного кризиса. Конечно, СССР был почти впятеро беднее США по ВВП на душу населения, имел иную структуру экономики и исторически сложившееся размещение промышленных баз на своей бескрайней территории. Однако сравнивая траектории обеих сверхдержав, ни в коем случае нельзя забывать разницу в качестве геополитических союзов. Одно дело иметь сателлитами Польшу и Болгарию, и совсем иное дело — ФРГ и Японию.

Руководство США в 1979 году пошло на отчаянный шаг, срывая ограничители, которые регулировали экономику со времен «нового курса» Рузвельта. Эффект, как становится ясно из ныне опубликованных стенограмм Федерального резервного фонда, превзошел все ожидания американского Центробанка. В 1980–1990-е в США хлынул поток инвестиционных капи-



Сегодня, критикуя твердую веру Просвещения в могущество науки, ни в коем случае не следует впадать в другую крайность, подвергая сомнению саму науку и научный метод рассуждения, как к тому склонны постмодернистские критики. И либерализм, и марксизм постулировали, что все развитие человеческих обществ идет по ступеням прогресса.

талов из Западной Европы, Восточной Азии и нефтедобывающих стран, искавших более выгодного вложения с низкими рисками. Сломав рузвельтовские механизмы регуляции, Уолл-стрит добился спекулятивной конъюнктуры, невиданной со времен *Belle Époque* 1900-х и «джазового бума» 1920-х. Но также возродился и призрак спекулятивного обвала, подобного «черному вторнику» 1929 года. Пока что этот призрак удавалось заговорить как минимум трижды — во время паники 1987, 1998 и 2001 годов. Призрак, однако, никуда не делся, а напротив — вырос до гигантских размеров. В первую очередь это дотеле невиданный дефицит платежного баланса США и астрономическая задолженность, которую все еще финансируют банки Восточной Азии — несомненно, из опасения, что обвал американского рынка погребет

бет в обломках и их экспортно-ориентированные индустрии. Перспектива настолько пугающая и неясная, что экономические аналитики мейнстрима о ней предпочитают молчать либо говорить профессионально-жаргонными экивоками. Тем более от этой темы уклоняются политики, добывающиеся голосов избирателей. Американская война с террором выглядит на этом фоне дерзким и крайне честолюбивым обходным маневром — чей провал теперь можно считать свершившимся фактом.

Что на этом фоне полезного и вразумительного могли бы сказать экономисты и обществоведы? Самым непродуктивным было бы продолжать в дурную бесконечность дебаты 1990-х на модные, но туманно-неопределенные темы глобализации, рыночных и либерально-демократических «транзитологий» или дости-

жения полумифических рубежей постиндустриализма и информационного общества. Неoliberalная глобализация, как становится ясно в нынешней атмосфере нелегкого отрезвления, была на деле последней великой утопией XX века. Она имела поразительно много общего со своим единоутробным братом и заклятым соперником — марксизмом. В самом деле, марксизм и либерализм родились непосредственно из идей Просвещения. Великие умы той эпохи — от Ньютона до Огюста Конта — были потрясены открытием законов природы и собственной способностью объяснить — а значит, изменить мир. Если, согласно знаменитой формуле тех времен, Бог — механик, а мироустройство постижимо так же, как устройство часового механизма, значит, возможно и необходимо отыскать те кнопки и рычаги, которые управляют нашим миром.

Сегодня, критикуя твердую веру Просвещения в могущество науки, ни в коем случае не следует впадать в другую крайность, подвергая сомнению саму науку и научный метод рассуждения, как к тому склонны постмодернистские критики. Великий американский астроном и популяризатор Карл Саган просил своих слушателей задуматься, сколько из них были бы вообще живы, если бы не достижения медицины вроде элементарных антибиотиков. Критическому разбору подлежит та темная зона социальных наук, которая имеет тенденцию переходить в идеологическую веру.

И либерализм, и марксизм постулировали, что все развитие человеческих обществ идет по ступеням прогресса. Они лишь спорили с догматическим апломбом о количестве этих ступеней и их определении: рабство—феодализм—капита-

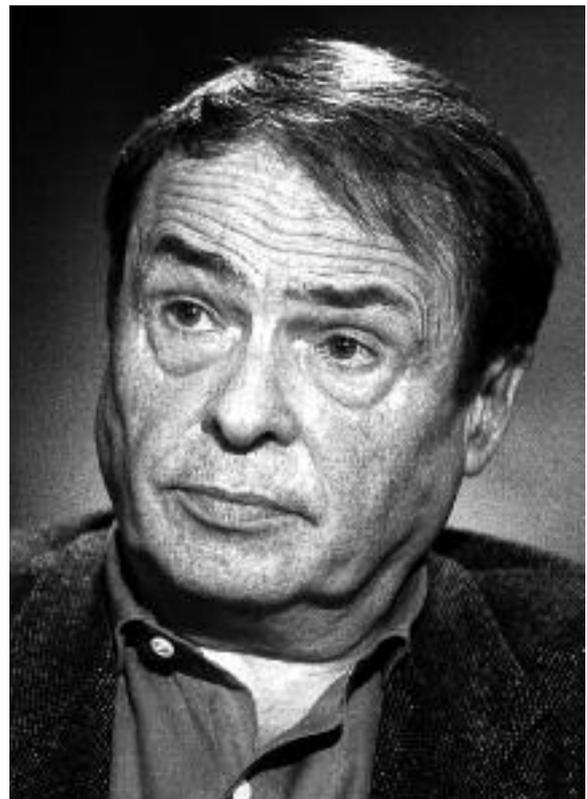
лизм—социализм или аграрное—индустриальное—постиндустриальное общество. Главный же спор был о том, достигнута ли уже высшая ступень модернизации или еще предстоит революционный прыжок в светлое будущее, к социализму, когда история уже точно завершается и наступает окончательное воплощение исторической программы. Марксисты считали двигателем прогресса рабочий класс, либералы — средний класс. Для первых главным способом исторического движения была революция, для вторых — эволюционная реформа.

Аналогии можно продолжать и дальше, что совершенно не случайно — обе идеологии выстраивали свои позиции в одном и том же интеллектуальном пространстве, только с противоположными знаками. Великий французский социолог Пьер Бурдьё иронизировал, что подлинно мощная догма является нам не сама, а в паре якобы взаимоисключающих антиномий.

Обе стороны марксистско-либеральной догматики достигли зрелого выражения в 1930–1960-е. Учебным катехизисом одного лагеря стал энгельсовский «Анти-Дюринг», другого — «Протестантская этика и дух капитализма» Макса Вебера. Обоих классиков при этом покрыли изрядным слоем мертвящей бронзы. Тем, кто в студенческие годы настрадался от советских курсов научного коммунизма, было бы весьма забавно и поучительно поглядеть, что происходило при переводе Вебера на английский. Как, к примеру, слово «господство» (*Herrschaft*) плавно превращалось в куда менее грубый «политический авторитет» (*political authority*). Немаловажно и то, что переводом и — по ходу — увековечиванием Вебера руководил Толкотт Парсонс, убежденный амери-

канский патриот и сам в молодости протестантский пастор. Крайне наивно было бы воспринимать усилия научной школы Парсонса по построению системной теории общества лишь как абстрактную социологию. Опять-таки, сказанное вовсе не означает отказа от попыток построения системных теорий. Парсонс велик именно своим размахом и успехом в построении сильной научной школы. Но у великих — великие же ошибки, на которых лучше учиться, чем повторять зады чужих авторитетов.

Обе стороны двойной догматики — марксистская и либеральная — были взорваны изнутри в бурный период 1968–1974 годов. Обычные объяснения всплеска молодежного инакомыслия и ико-



Обе идеологии выстраивали свои позиции в одном и том же интеллектуальном пространстве, только с противоположными знаками. Великий французский социолог Пьер Бурдьё (на фото) иронизировал, что подлинно мощная догма является нам не сама, а в паре якобы взаимоисключающих антиномий.

ноборчества тех лет страдают поверхностным и излишним вниманием к внешним проявлениям: рок-музыка, переход от формальных костюмов и причесок к джинсам и длинным патлам, сексуальное раскрепощение, якобы стимулированное изобретением противозачаточных таблеток. На самом деле все было проще и куда серьезнее. В послевоенные годы начался колоссальный демографический бум, который в сочетании с массивным государственным инвестированием в науку привел к беспрецедентному в истории развитию образования и исследовательской инфраструктуры. Повсюду — от Калифорнии до Новосибирска и от Мехико до Уганды — возникали новые университетские центры. Шло массовое рекру-

тирование нового поколения в исследователи и высокообразованные специалисты. Вступая в жизнь, они искали себе достойного применения — и отказывались встраиваться в прежние структуры почтения чинов и авторитетов. Времена были, конечно, хаотические, но в результате происходят прорывы практически на всем интеллектуальном поле — от киноискусства до естественных наук.

Теории хаоса, которые выдвинул нобелевский лауреат по химии, бельгиец русского происхождения Илья Пригожин, совершенно не случайно оказываются созвучными идеям многолинейной эволюции биологических видов, которые столь талантливо популяризовали американец (кстати, также российского и вен-

герского происхождения) Стивен Джей Гулд или эколог-антрополог Джаред Даймонд. В общественных науках, расположенных где-то посередине между гуманитарным и естественно-научным знанием, произошла собственная и весьма основательная серия теоретических прорывов, начинавшихся из сомнения в унаследованной догматике. Американец Чарльз Тилли и норвежец Стейн Роккан, начинавшие свои исследования еще в рамках модернизаторской парадигмы, восстали против собственных наставников и в результате коренным образом изменили наши взгляды на исторические истоки современных государств. Так называемая военно-налоговая теория сегодня принимается практически всеми историческими социологами. Она гласит, что в основе был элементарный рэкет феодальных баронов, которые выдавали гарантии в первую очередь от самих себя в обмен на согласие подданных регулярно и без особого сопротивления платить фиксированную дань. С резким удорожанием военного дела после появления пушек и массовых армий с подданными пришлось договариваться уже в обмен на производство некоторых общественных благ — вроде дорог, безопасности городских улиц — и стабильной национальной валюты. Со временем это привело к институционализации парламентов, избирательных прав, а также национальной идеологии, до толе совершенно чуждой космополитичной феодальной верхушке и духовенству.

Благодаря Баррингтону Муру, Теде Скочпол и Джеку Голдстоуну совершенно по-другому стали исследоваться революции и истоки демократизации обществ. Никто более всерьез не говорит о том, что революции порождаются клас-

совой борьбой либо массовым психозом толпы. Даже если продолжают споры об отдельных механизмах, вполне установлено, что революции возникают в ответ на политические расколы между различными элитными фракциями, как правило, в моменты военного поражения или экономического кризиса на фоне растущего демографического давления.

Новые экономические социологи из Франции, Германии и США, исходящие из классических идей Шумпетера и Поланьи, сформулировали весьма перспективные подходы к анализу рыночной деятельности. Вопреки неоклассической модели, которая алгеброй поверяет идеологическую абстракцию свободных рынков, стремящихся к статичному равновесию, выдвинута гораздо более реалистичная теория монополистического соперничества между коалициями предпринимателей за поиск или создание новых рыночных ниш, относительно защищенных от конкурентного давления и поэтому дающих привилегированные нормы прибыли. Особенно обнадеживает, что нишевая теория рынков позволяет встроить в анализ все то, что неоклассические экономисты полагали досадными экстерналиями: политическую борьбу, войны, социальные сети, культурные нормы. Или показать, откуда берутся технологические инновации, а не представлять технический прогресс самоочевидным или возникающим из ниоткуда, подобно *deus ex machina*.

Подробное перечисление теоретических прорывов, очевидно, займет целую книгу — которую еще предстоит написать. И все-таки назовем еще несколько знаковых имен и новых теорий.

Родившийся в Китае англо-ирландец Бенедикт Андерсон

указал на новые подходы к рациональному пониманию феномена национализма.

Уже упоминавшийся француз Пьер Бурдьё отточил концептуальный инструментарий для анализа организации поля культуры и социального структурирования поведения человека в общественных сетях.

Работающий в Англии итальянский социолог Диего Гамбетта и его соотечественники Пино Арлакки, Фортуната Пизелли, а также Федерико Варезе и наш русский Вадим Волков показали, как рационально, без фобий и теорий заговора, анализировать феномен мафии. (Стоит ли тут удивляться итальянско-русскому приоритету?)

Теоретический археолог чикагской школы Тимоти Эрл убедительно и доходчиво суммировал новые знания о долгосрочной эволюции человеческих обществ.

Наконец, американец Иммануил Валлерстайн и итальянец Джованни Арриги создали принципиально новую историко-географическую политэкономия мировой системы.

Список можно продолжать и развивать. Вполне может оказаться прав Рэндалл Коллинз, американский социолог исключительно широкой эрудиции и спектра интересов, который считает нашу эпоху самой продуктивной в идейном плане со времен классиков-первопроходцев (Маркса—Вебера—Дюркгейма) и даже «золотым веком» исторической макросоциологии.

Однако это все лишь потенциальная возможность. Между теоретическими прорывами начала 1970-х и нашим днем находится эпоха интеллектуальной засухи, длящейся еще и сегодня. Причин тому, как всегда в случае сложных исторических колебаний, несколько, и они разного порядка — от внутренней организации на-

учного сообщества до политического климата эпохи.

Чтобы работать на уровне Валлерстайна или Тилли, требуются годы труда и усвоение изрядного корпуса литературы. Намного надежнее и проще публиковать статьи на общепринятые темы вроде гендерной и расовой идентичности или математически тестировать частную подтеорему поведения бесплотных рыночных субъектов. Поскольку в западной науке количество мест публикаций и их ортодоксальность непосредственно связаны с занятием научных должностей, следование канону и сфокусированность на узкой тематике дает непосредственные карьерные преимущества. Добавьте к этому, насколько более денежно разрабатывать прикладную тематику для какой-нибудь фирмы или преподавать упрощенные курсы в коммерческой школе бизнеса.

Куда хуже, что после всплеска эмоциональной энергии неизбежно наступает упадок той или иной степени. В случае последних 20–30 лет упадок эмоциональной энергии оказался весьма глубоким. В том, несомненно, повинны общее разочарование в любых больших идеях и наступление климата рыночного неолиберального эгоизма.

Воинствующий либерализм, неожиданно возродившийся в рейганско-тэтчерские 80-е, обладал как минимум двумя мощными источниками силы. Первым из них было возрождение восходящей к эпохе Просвещения веры в индивидуализм и неизбежный прогресс (что при перенесении на уровень мировой экономики вылилось в футуристический энтузиазм по поводу глобализации, которым так ярко было отмечено правление Билла Клинтона).

Поскольку данная вера целиком согласовывалась с уна-



Обе стороны двойной догматики – марксистская и либеральная – были взорваны изнутри в бурный период 1968–1974 годов.

следованным восприятием классики, большинству она казалась естественной и не требующей дальнейших доказательств. Возьмите столь нашумевший бестселлер Фрэнсиса Фукуямы, который, по сути, есть аспирантского уровня реферат о Гегеле и достижении венца истории. Как иначе объяснить мгновенное вознесение самого Фукуямы до статуса гуру, если не глубинным соответствием его тезиса собственному мироощущению западных элит в момент столь для них неожиданного

избавления от угрозы коммунизма?

Здесь становится хорошо виден второй источник силы неолиберальных идей, а именно – мощная материальная и пропагандистская поддержка ведущих западных политиков и финансовых кругов, которые после кризисов 1960–1970-х обрели второе дыхание.

И все-таки просто по заказу элит успешные идеологии не возникают, как бы ни убеждали в обратном хитроумные политтехнологи своих клиентов. Всплеск иконоборчества



Американец Чарльз Тилли и норвежец Стейн Роккан, начинавшие свои исследования еще в рамках модернизаторской парадигмы, восстали против собственных наставников и в результате коренным образом изменили наши взгляды на исторические истоки современных государств. Так называемая военно-налоговая теория сегодня принимается практически всеми историческими социологами.

образца 1968 года — как на Западе, так и в советском геополитическом блоке — был на деле первой мировой революцией не по Марксу, а скорее — по Макс Веберу. Восставали не пролетарии против буржу-

азии, а молодые образованные специалисты, более не желавшие покорно сносить бюрократический кретинизм и мелочную патерналистскую опеку боссов и начальников. Отсюда и такой безудержный

перехлест в анархические проявления, нарушение всяческой дисциплинарной субординации, а также уход в религиозную и квазирелигиозную романтику — в противопоставление обыденности. Основатели «Аль-Каиды» (если взять самое крайнее проявление) ведь тоже не из самых необразованных низов общества. Это как раз и есть крайний фланг образованных элит исламского мира. Их безумно утопический и разрушительный вызов направлен в первую очередь против своих же правителей — и только затем против покровительствующей им Америки.

Исламский фундаментализм, о котором теперь невозможно не упомянуть, тем более в его крайних террористических формах, — на самом деле явление маргинальное. И как всякое экстремистско-сектантское движение оно не приобрело бы такого размаха и самоподдерживающейся динамики, если бы не мощный раздражитель американского контрнаступления.

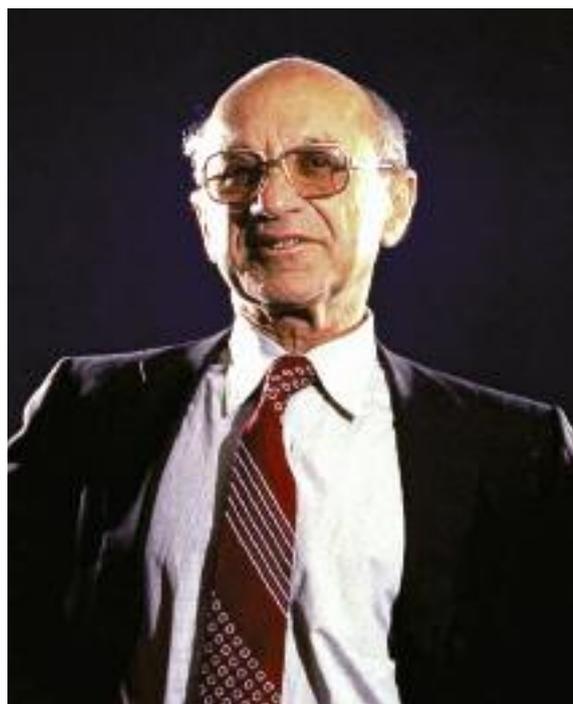
Парадоксальным образом антибюрократический вектор протеста молодых специалистов поколения 1968 года спустя всего несколько лет обернулся самым серьезным и массовым источником силы неолиберальной реставрации. Если довести до логического завершения идеи Фридриха фон Хайека и Милтона Фридмана, то выйдет либертарианско-анархический мир экономических, политических и культурных предпринимателей, совершенно эмансипированных от государственного и любого прочего внешнего регулирования.

Это по-своему очень стройная и соблазнительная перспектива. Упор делается на внутреннюю рациональность, трезвый расчет, самодисциплину, трудолюбие и ответственность за свои решения.

Это именно те замечательные качества, которые приобретают современные специалисты в результате семейного воспитания и длительного школьно-университетского образования. В свою очередь, обретение данных качеств исторически обусловлено трудом предшествующих поколений – того, что выдающийся немецкий социолог Норберт Элиас описывал как «процесс оцивилизации». Самонадеянно и пагубно отметить неолиберализм как простую идеологическую диверсию. Это была именно последняя из великих утопий современности, равно как и марксизм растущая из самих основ современной цивилизации – притом не только западной, но и других великих цивилизаций мира. Ценности, к которым взывал неолиберализм (как и марксизм), имеют общемировое значение. Иначе как объяснить притягательность идей либерализма и марксизма для стольких китайцев, индусов, турок, арабов, русских, наконец?

Беда с любой утопической верой не только в том, что она оправдывает насильственную ломку общественных отношений – во имя чего-то великого в будущем, но и в том, что утопия еще и оправдывает власть тех, которые проводят ломку. Неолиберальная глобализация вполне закономерно привела к такому росту антиамериканизма по всему миру именно потому, что и в самом деле вела к ломке и переделке политических и экономических структур прочих стран мира путем непосредственного предписания (как, скажем, в программах МВФ) и менее персонифицированного, но ничуть не менее жесткого конкурентного давления. При этом неолиберальные реформы, по трезвом рассуж-

дении, не привели ни к ускорению процессов демократизации (которые начались задолго до неолиберализма, как видно на примере нашей страны), ни к устойчивому экономическому росту. Подъем Китая, Индии и, вероятно, наступающий подъем экономик Латинской Америки и Ближнего Востока (эмиратов Персидского залива, Турции, Египта и Ирана – если ему удастся выйти из изоляции), во-первых, явно (особенно в Китае) обусловлен эффективностью государственной власти не менее, чем мировыми рынками. А во-вторых, восходит еще к политике развития 1950–1970-х и даже к древним основам производительных



Парадоксальным образом антибюрократический вектор протеста молодых специалистов поколения 1968 года спустя всего несколько лет обернулся самым серьезным и массовым источником силы неолиберальной реставрации. Если довести до логического завершения идеи Фридриха фон Хайека и Милтона Фридмана (на фото), то выйдет либертарианско-анархический мир экономических, политических и культурных предпринимателей, совершенно эмансипированных от государственного и любого прочего внешнего регулирования.

экономик Азии. То же самое можно и хотелось бы сказать о возрождении и развитии экономик бывших республик СССР.

Речь вовсе не идет о революционном сломе неолиберального капитализма. Эта модель просуществовала уже почти три десятилетия и зашла в тупик вместе со своей несущей структурой – гегемонией США. Скорее, если воспользоваться афористичным выражением британского экономгеографа Дэвида Харви, встанет вопрос о «спасении капитализма от неолиберализма», о стабилизации и «оцивилизации» мировых рынков и о желательном нетравматичном выходе США как основного элемента миросистемной архитектуры из режима мировой гегемонии.

Но это все останется благостными пожеланиями, если социальные науки не смогут подкрепить цели серьезным и реалистическим анализом того, откуда и в каких вероятных направлениях развивается наш мир, как могли действовать механизмы социального (в самом широком смысле) воспроизводства отдельных народов и всей миросистемы.

Сегодня организация мировой науки такова, что совершенно непропорциональные силы и ресурсы оказались сосредоточены именно в США. Это, конечно, одно из последствий голодных лет недофинансирования науки и образования, поразивших подавляющее большинство стран мира. В американские университеты в последние десятилетия пере-

селялись целые научные школы, притом не только из бывшего СССР, но даже из Великобритании и Франции. Возможно — и пока лишь в теории, — что в ближайшие годы этот тренд будет разворачиваться в противоположном направлении. Отчасти это вопрос финансирования. Индийские и китайские специалисты уже начали перебираться к себе на родину.

И все-таки не из-за одних долларов утекали мозги. Ученые хорошо чувствуют себя там, где есть эмоциональная энергия, азартное чувство открытия, где можно взаимодействовать с самой передовой — а значит, интересной — наукой. В Америке, конечно, сегодня собралась подлинная сборная мира. Там совершенно куда больше открытий, чем американская среда оказалась в состоянии усвоить. Здесь и открывается возможность.

Известный русский экономист из Гарварда Александр Гершенкрон еще в 1950-е сформулировал теорию «преимущества отставания». Представьте себе, что вы сзади приблизились к автомобильной пробке. Те, что встали в нее первыми, не могут видеть обходных путей, а если бы их и увидели, то слишком зажаты в голове пробки, чтобы совершить маневр. Отставшие герои, как учил Гершенкрон, всегда идут в обход. Ну, а те, кто имитирует моду первых, обречены, как служанка, донашивать за своей госпожой шляпки прошлогоднего фасона.

Имена авторов теоретических прорывов, которые я перечислил ранее, конечно, очень известны на Западе. Если бы существовала Нобелевская премия по социологии, то в списке ближайших кандидатов на нее, несомненно, значились бы и Тилли, и Бурдьё (увы, уже посмертно), и Валлерстайн, и Арриги, и

Рэндалл Коллинз. Но при этом все эти великие ученые остаются где-то вне ремесленного мейнстрима, куда их идеи с трудом умещаются. Куда важнее то, что теоретические прорывы в макроисторическом понимании общества никак не согласуются с неолиберальным видением мира как конкурентной арены атомистических индивидов. Поэтому даже если имена известны и почитаемы, продолжения исследовательских программ практически не наблюдается. Вот здесь и видится тот путь, по которому можно сманеврировать в обход затора. Возможно, тогда откроется выход из современного мирового тупика.

У России и сопредельных стран пока еще сохраняется преимущество накопленного интеллектуального потенциала и развитая база, даже несмотря на бедствия и унижения последних лет. В советском периоде было два мощнейших творческих подъема — в 1920-е и в 1956–1968-й годы, когда мы выходили на уровень мирового интеллектуального центра.

У нас были некогда такие экономисты, как Чайанов и Кондратьев — или Канторович в другую эпоху. Такие психологи, как Выготский. Такие правоведы, как Пашуканис. Такие филологи, как Бахтин и Пропп. Даже в брежневский застой продолжались отдельные дискуссии, несмотря на обывательскую апатию или постоянную опасность проработок в парткоме, если не хуже.

Беда, что наиболее творческие силы уходили подальше от официальной тематики, в совершенно эзотерические разделы философии и филологии, в древнюю историю либо абстрактное математическое моделирование (слава богу, алгебру преподавали в невиданных объемах). При

этом, однако, резко обеднели самые насыщенные сектора знания об обществе, где господствовала официальная догматика — политэкономия и социология, именовавшиеся истматом. К моменту перестройки буквально единицы оказались способны вразумительно высказаться о проблемах истории, политической структуры и экономики СССР. Оттого основной заряд эмоциональной энергии ушел в гневную полемику, после которой наступил оглушающий обвал.

Казалось бы, что хорошего можно сказать о наступивших временах. Тем не менее были достигнуты два потенциальных условия для роста общественных наук (которые, однако, еще надо реализовать).

Во-первых, открылись невероятные по советским меркам возможности для получения грантов, поездок на стажировки и конференции, доступ к литературе и, конечно, Интернет. Даже ценой оттока изрядного числа мозгов произошла реинтеграция нашей науки в мировой контекст.

Во-вторых, как ни чудовищно депрессивны были разочарования после краха перестройки, но все же произошло избавление от множества предрассудков и иллюзий, которые делали столь непереносимо наивными большинство диссидентских памфлетов и перестроечной публицистики. Конечно, разочарования обернулись во множестве случаев горьким цинизмом либо выдвиганием воинственно самобытных псевдотеорий и заумно-завиральных построений. Вся эта пыль от обвала еще долго будет забиваться в глаза и скрипеть на зубах. Просмотр текущих журналов и книжных публикаций с заявкой на интеллектуальность навевает порой самые злые и тоскливые мысли. Графоманы и имитаторы особенно плодятся в неопределен-

ные времена и громче всех заявляют о себе.

И все-таки сохранилась где-то подспудно, в латентной форме вполне здоровая основа, на которой можно строить. Надежду внушает поколение аспирантов, которых встречаешь как в отечественных, так и в зарубежных университетах. При восстановлении мало-мальски нормальной академической жизни (ох, легко сказать, но и не настолько трудно сделать — нужны только с умом потраченные средства) заработают в автономном режиме механизмы интеллектуальной соревновательности и исследовательского азарта. При этом соревновательность и борьба за почетные передовые позиции в поле интеллектуального производства теперь неизбежно становятся международными. Какому талантливому молодому ученому охота быть эпигоном с периферии? Но как сказать что-то умное и притом оригинальное?

Здесь и должно вступать в действие гершенкромовское «преимущество отставания». Довольно менять советскую догматику на догматику антисоветскую, «научный коммунизм» на «научный неолиберализм». На Западе ведь достигнута и свои контрортодоксальные идеи — и очень перспективные. Вот их бы пересаживать и развивать, тем более что время как будто не терпит. Западу и прежде всего Америке, судя по множеству признаков, предстоит свой перестроечный кризис. Это как раз времена для придумывания альтернатив.

В качестве эпилога замечу, что научные революции могут занимать два-три поколения и происходят попеременно в различных странах. Некогда поляк Николай Коперник предположил, что изменение во взгляде на центр мироздания снимает множество нако-



Модель неолиберального капитализма просуществовала уже почти три десятилетия и зашла в тупик вместе со своей несущей структурой — гегемонией США. Скорее, если воспользоваться афористичным выражением британского экономгеографа Дэвида Харви, встает вопрос о «спасении капитализма от неолиберализма», о стабилизации и «оцивилизовании» мировых рынков и о желательном нетравматичном выходе США как основного элемента миросистемной архитектуры из режима мировой гегемонии.

пившихся в тогдашней науке проблем и открывает новые перспективы. Но потребовались еще и эмпирические наблюдения итальянца Галилео Галилея, датчанина Тихо Браге и его ученика — немца Иоганна Кеплера, чьи материалы затем предстояло математически формализовать англичанину Ньютону... В общем, история известная. Прошло более столетия, прежде чем новая теория мироздания стала

азбучной истиной для школьников.

Сегодня научная революция во взглядах на устройство человеческих обществ вступает во второе поколение и при этом не определено, где и кем будут сделаны необходимые усилия по консолидации и синтезу теоретических прорывов поколения Валлерстайна, Бурдые и Тилли. Тут и возникает очень большая возможность. (P)